

НОВЫЕ НЕМЕЦКИЕ ДОКУМЕНТЫ О ГЕНОЦИДЕ АРМЯН

Геноцид армян в Османской империи, в результате которого была уничтожена почти половина армянского народа и превращена в руины 3/4 часть территории всей Армении, был неслыханным по своим масштабам злодеянием в истории человечества. Именно с этим связано пристальное внимание мировой общественности и организаций с разными направлениями и убеждениями к вопросам массового уничтожения армян, варварского разрушения их сел, деревень и городов, духовных и материальных ценностей. О геноциде армян в Османской империи издано огромное количество литературы на многих языках мира—монографий, статьи, воспоминания, сборники и подборки документов и материалов. Безусловно, среди всех этих публикаций по охвату и разнообразию материалов выделяется сборник документов и материалов «Геноцид армян в Османской империи», изданный АН АрмССР в 1966 г. и переизданный в 1982 г.¹

И невзирая на то, что факт геноцида армян уже признан и осужден мировой общественностью, а под ее нажимом в 1919 г.—даже военным трибуналом Турции, в наши дни в лице буржуазных турецких историков, публицистов и государственных деятелей, а также отдельных западных авторов нашлись новоявленные адвокаты злодеяний младотурок. Одни из них, игнорируя неоспоримые факты, лезут из кожи вон, чтобы «доказать» недоказуемое: мол, геноцид армян вообще не имел места, другие стараются смягчить вину авторов геноцида, свалить ее на других, в том числе и на армян, выдумать какие-то моменты оправдания варваров-погромщиков. Эти горе-оправдатели стремятся взять под сомнение документы и материалы, особенно турецкие.

Резкая оповедь авторам этих измышлений дана в недавно опубликованной статье академика М. Нерсисяна², в которой на основании немецких и турецких источников разоблачена гнусная ложь фальсификаторов истории.

Настоящая публикация немецких документов, авторы которых являются представителями Кайзеровской Германии—союзницы Турции в первой мировой войне,—еще раз показывает несостоятельность вышеуказанных фальсификаций, той Германии, высокопоставленные чиновники которой в разгар резни армян не гнушались создать в Константинополе «Дом турецко-немецкой дружбы» и «Турецко-немецкий союз», председателем которого стал один из палачей армянского народа—Энвер-паша³. Соответственно таковые были созданы и в Берлине. Этот политический цинизм представителей цивилизованной нации и турецких варваров являлся издевательством над свежими жертвами армянского народа и как бы афишировал всему миру человеконенавистническое бесстыдство немецкого империализма и турецкого деспотизма.

Публикуемые материалы, выявленные нами недавно в архивах ГДР, в отдельных местах нуждаются в комментариях. Будучи представителями Кайзеровской Германии, их авторы не всегда отражают события с должной объективностью, иногда проявляя явную или утонченную тенденциозность. Так, например, в своем донесении от 9 июля 1915 г. консул Трапезунда Бергфельд сообщает германскому послу в Константинополе, что будто Талиат-бей телеграммой «вменяет в обязанность органам власти особую за-

¹ «Геноцид армян в Османской империи». Сборник документов и материалов, под редакцией М. Г. Нерсисяна, Ереван 1966, 1982.

² Академик АН Арм. ССР М. Г. Нерсисян, Немецкие и турецкие источники о геноциде армян («Историко-филологический журнал» АН Арм.ССР, 1986, № 2).

³ Zentrales Staatsarchiv Potsdam, Reichkanzlei, Akten. № 2458/9, Bl. 153, 156.

щиту армян» и добавляет, что «действительно безопасность христиан была в значительной степени обеспечена» (№ 1). Диву даешься! Как мог немецкий консул в Трапезунде в июле месяце не знать, что, начавшись с конца апреля, геноцид армян уже третий месяц свирепствовал по всей Западной Армении, во всех тех уголках Турции, где проживало армянское население. В следующем абзаце становится явным намерение кайзеровского консула: обвинить христиан в том, что они «неблагодарностью отплатили туркам за проявленное к ним непредвзятое отношение», не скрыв «своей неприязни к туркам», которая, будто «побудила Высокую Порту принять по отношению к армянам исключительные меры». Выходит, всему причиной была «неприязнь армян к туркам», иначе, не было бы ни резни, ни геноцида. Тут нечего и удивляться: дипломатический представитель Германии иначе и не должен был поступить: ведь геноцид-то совершался при покровительстве и попустительстве военных и гражданских чинов Германии.

Что же касается телеграмм Талиат-бея, отправленных накануне геноцида армян, в которых он будто бы «вменял в обязанность органам власти особую защиту армян», то их глухая цель более чем очевидна: чтобы беспрепятственно осуществить известные решения младотурок об уничтожении армянского народа, надо было до начала резни и депортации армян усыпить их внимание, обмануть их, лишить возможности предпринять меры самообороны и оказания всякого сопротивления погромщикам, тем самым давая последним полную свободу действий—уничтожить армян как стадо домашних овец.

Далее, в констатации консула черным по белому написано, что геноциду подлежали не христиане, а армяне. В этой связи весьма интересно заявление трапезундского вали, приведенное в консульском донесении: «однако же депортации подлежат не христиане, а армяне, следовательно, принявший ислам армянин депортируется как мусульманский армянин» (№ 1). Как видим, тут и Магомет не смог спасти армян!

Автор № 2-го документа, видимо, представитель Саксонского земельного правительства в Турции,—известный публицист и государственный деятель В. Швендлер—открыто выступает в защиту турок, совершенных ими злодеяний в отношении армянского народа. «Они (армяне—В. М.) и наши враги,—сообщает он в своем секретном донесении,—п у нас нет причин из-за них ставить на карту турецкое боевое содружество, которое полезно нам в военном отношении». Этот оголтелый глашатай немецкого империализма, чтобы «обосновать» свою ненависть к армянам, даже старается успеха русской армии на Кавказском фронте «отчасти объяснить также мнимыми «усилиями немцев в интересах армян», не приведя при этом никаких доказательств этих усилий.

Как и следовало ожидать, чудовищная картина уничтожения армянского населения более объективно раскрыта в донесениях сестер милосердия миссии Лепсиуса и немецкого проповедника в Алеппо, хотя порою в них замечаются наивное истолкование и не совсем верные оценки случившихся событий и фактов.

Однако при этих и других недостатках в публикуемых материалах описываемые авторами факты и события раскрывают перед читателем страшную картину резни и депортации западных армян, и, думается, ни один защитник или оправдатель зверств младотурок не в состоянии оспаривать их достоверность: ведь авторы этих документов—представители их дружественной державы и союзницы.

Документы, за исключением документа № 2, публикуются с небольшими сокращениями, а из документа же № 2, представляющего собой объемистое донесение В. Швендлера тайному советнику Бойтлеру о военных действиях на Дарданеллах и о турецко-германских военно-политических отношениях, взяты только параграфы, касающиеся армян.

ВАРДГЕС МИКАЕЛЯН

№ 1

Министерство иностранных дел.

Копия А 22559

Кайзеровское немецкое консульство

Трапезунт, 9 июля 1915 г.

Донесение № 35

Регистрационный секретный номер 316

После вступления Турции в войну среди местных армян проявилось серьезное беспокойство за свою личную безопасность*. Несмотря на то, что признаков предстоящих бесчинств еще не было, я в дружелюбной форме все-таки высказался здешнему вали насчет защиты христиан Трапезунта и его окрестностей. Он дал мне категорические заверения, что против них ничего не будет предпринято, если они будут вести себя спокойно, и показал мне телеграмму министерства внутренних дел, в которой Талиат-бей вменял в обязанность органам власти особую защиту армян. Действительно, поначалу безопасность христиан была в значительной степени обеспечена, а ряд обысков, продиктованных необходимостью, проводился, как меня уверяли, с большим тактом.

Христиане неблагодарностью отплатили туркам за проявленное к ним непредвзятое отношение. Они не скрывали ни своей неприязни к туркам, ни своей симпатии к Антанте, особенно России. Это, видимо, побудило Высокую порту принять по отношению к армянам исключительные меры.

24 июня были арестованы здешние руководители армянского комитета и через Самсун были высланы в глубь страны. В тот же день я узнал, что решается вопрос о депортации всех армян и что в связи с этим проявились определенные настроения использовать этот повод для бесчинств против здешнего армянского населения. Я обратил внимание вали на это и получил от него убедительные заверения в том, что возможная депортация армян даже при вооруженном сопротивлении будет проводиться только гражданскими и военными органами, исключая всякие безответственные действия частных лиц. 26 июня всем армянам было приказано в течение 5-ти дней быть готовыми для переселения в глубь страны. Только больным было разрешено остаться, при этом предусматривалось разместить их в больницы. Распродажа каких-либо вещей была запрещена. Лавки и магазины подлежали опечатыванию, все предметы из жилищ надлежало доставить в определенные пункты и там передать в распоряжение властей, а деньги следовало сдать.

Депортации подверглись в провинции Трапезунт около 30 000 человек. Подобное массовое перемещение по дорогам, где не было в достаточном количестве продовольствия и ночлега, а первые 300 км. кото-

* Этот документ опубликован И. Лепсиусом („Deutschland und Armenien 1914—1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke. Herausgegeben und eingeleitet von Dr. J. Lepsius, Potsdam, 1919, S. 99-101), однако обнаруженный нами в Дрезденском архиве текст при сверке с текстом сборника Лепсиуса дал значительные расхождения: в одном случае есть целые абзацы, которые отсутствуют у Лепсиуса, и наоборот. Именно поэтому мы нашли необходимым опубликовать его, тем более, что на русском языке он публикуется впервые.

рых представляли собой полностью зараженную сыпным тифом местность, должно было вызвать среди армян, особенно среди женщин и детей, чудовищные жертвы. Это вызвало бы за границей, а, возможно, также и в Германии справедливую критику в адрес подобных далеко идущих мер. Поэтому я поставил в известность Кайзеровское посольство в Константинополе о положении вещей и одновременно попытался добиться от местного вали смягчения условий высылки. Он выслушал с вниманием ходатайство, сделанное мною в дружелюбной форме. Таким образом, из лиц, подлежащих депортации, прежде всего были исключены: все дети до 10-ти лет, вдовы и сироты, все женщины, не имеющие кормильца, в том числе семьи мобилизованных, а также больные, беременные и армяне-католики. Больным и беременным было, кроме того, разрешено оставаться в своих жилищах и иметь при себе одного члена семьи женского пола для ухода, детей разрешалось оставлять у знакомых. И, наконец, высылаемым предоставлялась возможность получать у директора полиции соответствующего разрешения продавать ценности и предметы домашнего обихода. Первые два дня депортации проходили согласно этим пунктам, при этом было проявлено снисхождение по отношению к возрасту детей и болезням женщин. К сожалению, *на третий день были отменены все исключения*, которых удалось добиться (курсив—В. М.).

Высылка из города Трапезунта и ближайших окрестностей закончена. Имели место самоубийства и поджоги.

Вали меня заверил относительно безопасности депортируемых. Я верю в его энергию и добрую волю, что в пределах его власти с армянами ничего не произойдет. Между тем имеются свидетельства того, что в других местах с ними обходились менее снисходительно. Так, на горной дороге между Ерзинджаном и Диарбекиром армяне были вырезаны, по всей видимости, курдами, а крупные банды грабителей, руководимые предводителями, появлялись у Эрзерума и Байбурта.

Вместе с тем необходимо констатировать, что при этих обстоятельствах армяне своим поведением обнаружили очень мало располагающий к себе характер. Первым, кто просил посредничества в разрешении остаться, было духовенство; представитель местного епископа, дьякон с белой бородой, просил у вали разрешения принять ислам, на что тот ему ответил, что для этого нет никаких препятствий, что следует лишь высказаться за мусульманское вероисповедание и подвергнуться обрезанию; однако же *депортации подлежат не христиане, а армяне, следовательно, принявший ислам армянин депортируется как мусульманский армянин* (курсив—В. М.).

Перед Кайзеровским консульством и перед той частной квартирой, в которую я въехал с момента сильного обстрела города русским флотом, разыгрывались душераздирающие сцены. Множество женщин вымаливало для себя или хотя бы для своих детей спасения. Я отказался предпринять шаги в отношении отдельных лиц.

Мои здешние коллеги телеграфировали в свои посольства в Константинополе о выходе приказа относительно депортации. Представители Италии и Америки, которым была запрещена шифрованная связь со своими посольствами, вынуждены были ограничиться коротким сообщением факта. Консул Австро-Венгрии обратил внимание своего начальства на ту большую опасность, которую несла в себе массовая депортация женщин и детей. К здешнему вали обратился австрийский коллега с ходатайством в отношении группы детей, американский консул вступился за персидских армян, находившихся под его покровительством; обе попытки были безуспешны. Итальянский коллега из-за

боязни волнений масс испытал душевное потрясение. Предпринимаемые мною посреднические шаги у вали я обсудил с австрийским коллегой. Он, однако, отказался от аналогичных действий. Я не настаивал. Поскольку вали питает ко мне большое доверие, я могу позволить себе открыто обсуждать с ним даже такие деликатные правительственные мероприятия, как депортация армян, не опасаясь при этом поставить под угрозу хорошее взаимопонимание, существующее в данный момент между нашими ведомствами.

Полицейский пост, находящийся в непосредственной близости с Кайзеровским консульством, в критические дни был усилен военными, моя личная квартира также находилась под охраной военных. От телохранителей, сопровождающих мой выезд из города и въезд, я отказался из соображений престижа.

подписал доктор Бергфельд.

Staatsarchiv Dresden, Außenministerium, Akten № 1952, Armenien, Bl. 13-18.

№ 2

Константинополь, 30 августа 1915 г.

Его высокоблагородию

господину обер-бургомистру, тайному советнику,

почетному доктору Бойтлеру

Дрезден

Глубокоуважаемый господин тайный советник!

Прошло четыре месяца, прежде чем мне предоставилась возможность подробно и добросовестно ответить на Ваше столь любезное письмо, прошу позволить мне в нескольких словах дать объяснение моему промедлению.

Как в свое время сообщала моя жена, в конце февраля я выехал на Дарданеллы, где вскоре разыгрались события, которые приковали к себе внимание всего мира и которые останутся самыми большими и лучшими воспоминаниями моей жизни, так как я был не только согласодателем, но и соучастником борьбы.

Операции на Кавказе значительно изменились с момента отправления письма Вашего высокоблагородия. Сейчас не может быть и речи об упомянутом тогда факте, что русские отброшены назад до Батума, а русский флот на Черном море обезврежен. Батум, который, кстати, находится в менее чем 50 км. от границы, остался русским, несмотря на то, что к концу года Энвер самолично мобилизовал все силы. В ответ на это русские с помощью армян заполонили весь район Вана, включая столицу. Столица провинции Ван с большими усилиями снова была отбита у русских несколько недель назад, удовольствие, однако, длилось не долго, так как русские заняли ее опять и удержат, по всей вероятности, до конца войны, ибо с нашей стороны все силы, естественно, будут сконцентрированы на Дарданеллах.

...Поскольку я остановился на вопросе дипломатии, то не могу обойти вниманием одно наблюдение: я, разумеется, в глубине души полностью симпатизирую агитации за так называемое «вовлечение лучших

сил из всех слоев населения». Но кто делает выбор? Из этой части света мы видим, например, что князь Гоенлое в Константинополе и барон фон Бусша-Хадденхаузен в Бухаресте превосходно работают, в то время как деятельность доктора Михагеллеса в Софии не служит доказательством пригодности буржуазии к дипломатии. Все остается по-прежнему: *Peccatur intra muros et extra* (грешен и в стенах, и за их пределами). Конечно, многое зависит от управления в Берлине и, наконец, в немалой степени от лично назначенных кайзером послов. И тот, кто подобно мне, видел, как прекрасная личность Вангенгейма под массой работы и ужасной тяжестью ответственности буквально на наших глазах обессилела и постарела на целое десятилетие, тот будет склонен воздержаться от тяжелых укоров.

После небольших отступлений вернусь к здешним событиям. Какими бы ни были причины, ясно, что немецкая дипломатия более всего страдает от надменности турок и постоянно возрастающего недоверия. Лучшее всякого объяснения это подтверждают примеры.

Известную долю в успехе (России—В. М.) имело наше усилие в интересах армян. Как я уже упомянул, армяне, которые испокон веков ненавидели турок как своих угнетателей, проявили себя в этой войне предателями и врагами империи. Они на всех направлениях пытались оказывать противнику помощь и содействие, сотнями добровольно вступали в русскую армию, а когда русские вошли в турецкие провинции, населенные в основном армянами, то последние оказались с ними заодно. Поэтому они и наши враги, и у нас нет причин из-за них ставить на карту турецкое боевое содружество, которое полезно нам в военном отношении.

Турки, однако, в своих мерах возмездия зашли слишком далеко. Творились такие дела, наблюдать за которыми было глубоко стыдно. В различных провинциях тысячи армян—мужчин, женщин, детей были зверски убиты, кто прикладом, кто просто заколот. Беременных женщин выгоняли из жилищ и били прикладами до тех пор, пока они переставали подавать признаки жизни; молодых девушек отправляли в дар паше, не стесняясь предлагать их даже немецким офицерам, которые во всех известных случаях, слава богу, с негодованием отклоняли эти предложения. Тысячи трупов плыло по Евфрату, неисчислимые толпы армян угонялись в суровые края, зачастую мужчины в одну сторону, женщины—в другую, без пищи, навстречу жестоким курдским племенам. Молодых супругов разлучали, женщин насиловали в присутствии их мужей, а мужчин затем убивали на глазах их обесчещенных жен. И в то время, как об этих злодеяниях представители нейтральных стран, аккредитованных в Турции, разослали известия во все уголки света, турецкие чиновники говорили каждому, кто желал это слышать и намеревался распространять дальше: «Истребление армян является военной мерой. Военные находят под немецким влиянием, так что благодарите немцев».

На первый, очень сдержанный протест немецкого посольства турецкое правительство ответило обычной ссылкой на «внутренние обстоятельства Турции», а Энвер, пользуясь случаем, сказал: «Это самое большое дело, которое когда-либо знала Молодая Турция. Немцы должны быть нам благодарны за то, что мы истребляем их врагов». Одновременно, как наказание за вмешательство, было неожиданно отказано в назначенном на следующий день приеме временного посла, князя Гоенлое султаном якобы из-за болезни последнего. На последовавший очень энергичный протест турки пообещали, что пощадят армян-католиков и протестантов, а также семьи мобилизованных солдат. Право же

уничтожения остальных они оставляли за собой. Далее, наказаны будут те, кто допускал ненужную жестокость. Пока лишь известно только о наказании двух вали, так как они не проявили достаточной твердости в осуществлении жестоких мер правительства. В остальном все осталось по-прежнему, и поскольку мы в глазах армян и греков также ответственны за все, что здесь происходит, нам будет в дальнейшем очень трудно вновь завоевать доверие нетурецкого населения.

Необходимость воспитания детей настоятельно рекомендует мне иметь в виду на будущее пребывание в более цивилизованных краях света, и скажу откровенно, я долго надеялся, что опыт, накопленный в столице империи, в парламентах трех государств, а также на различных постах за границей, будет с пользой применен в «Дрезденских ведомостях», работая в которых мне в свое время удалось заслужить доверие Вашего высокоблагородия и где я принимал большое участие как в публицистической работе, так и в общественной жизни.

Учитывая щекотливое содержание письма, я был бы очень благодарен, если бы Ваше высокоблагородие известило меня, что письмо непосредственно попало в верные руки. Письма, как известно, имеют свои судьбы.

Отвечаю на приветствие Вашего высокоблагородия с глубочайшим уважением и имею честь кланяться

с почтением и преданностью

(подписано) Вильгельм Швендлер.

Staatsarchiv Dresden, Außenministerium, Akten № 1953, Innere Umgestaltung der Türkei betreff, Bl. 64, 68-69, 74-78, 90.

№ 3

Строго секретно! Опубликованию не подлежит!

Донесение сестер Беатриче Ронер и Паулы Шефер

1. Донесение сестры Паулы Шефер от 16 ноября 1915 г.

Только что я возвратилась из поездки «верхом» по Багдадской Османской равнине, где на полях и дорогах без крова лежат тысячи депортированных, брошенных на произвол разбойничьему сброду. Вчера около 12 часов ночи подвергся нападению маленький палаточный лагерь, их было от 50 до 60 человек. Я нашла мужчин и женщин тяжелоранеными, тела людей были изрезаны и особенно чудовищно исколоты ножевыми ударами, черепа—разбиты. К счастью, я запаслась одеждой и смогла сменить их окровавленные платья, а затем привести их на ближайший постоялый двор, где за ними немного ухаживали. Многие из них настолько обессилели от чрезмерной потери крови, что они тем временем умерли. В другом лагере мы обнаружили от 30 до 40 тысяч армян; я смогла раздать им хлеб, отчаявшиеся и почти умирающие с голоду, они набросились на него; много раз меня чуть не стаскивали с лошади. Вокруг лежали незахороненные трупы, и только за деньги можно было получить у жандармов разрешение на захоронение. Армянам запрещают оказывать покойникам последние почести. Повсюду вспыхивают тяжелые эпидемии тифа, почти в каждой третьей палатке лежит больной. Почти все транспортируются пешим ходом, мужчины, женщины и

дети несут свои ничтожные пожитки на спине; я часто видела, как они падают под своей поклажей, но их снова и снова поднимают прикладами и штыками солдаты и гонят дальше. Я перевязывала женщин с кровотокающими ранами от подобных ударов штыком. Многие дети потеряли своих родителей, становились совершенно одинокими, без всякой опоры. В двух часах езды от Османии в поле лежало двое покинутых и умирающих мужчин; их спутники ушли дальше, они же оставались целыми днями лежать без пищи и без капли воды. Они настолько исхудали, что походили на живых скелетов, и лишь слабое дыхание еще выдавало в них признаки жизни. Незахороненные трупы женщин и детей лежали в оврагах.

2. Донесение сестры Беатриче Ронер о посещении ею 26 ноября 1915 г. палаточного лагеря в Мамуре

Тысячи крошечных низких палаток, изготовленных из тонкого материала; необозримая масса людей всех возрастов и сословий. Они смотрят на нас отчасти удивленно, отчасти с безразличием отчаявшегося. Толпа голодных, просящих милостыню детей и женщин неотступно следует за нами по пятам. Ханум, хлеба! Ханум я голоден, мы ничего не ели ни вчера, ни сегодня! Достаточно взглянуть на их бледные, изможденные, голодные лица, чтобы убедиться, что просьбы эти более чем оправданы. Удалось доставить только 1000 караваев хлеба; на нас с жадностью набрасываются все вокруг, священники, следящие за раздачей, едва могут защититься. Этого хлеба далеко не достаточно, а получить хлеб больше нет никакой возможности. Перед нами большие толпы голодных просят милостыню. Жандармы силой сдерживают их. Вдруг получили приказ—отправляться всем в дорогу. Тот, кто не успел быстро собрать свою палатку, тому ее рвут штыком. Наготове стоят три повозки и несколько верблюдов. Пара более или менее «позажиточнее» быстро наняла повозки, менее имущие погрузили свои пожитки на верблюдов. В воздухе стоит гул от причитаний и криков стариков, нищих, больных. Мы не можем больше! Оставьте нас умирать здесь! Но они *обязаны* идти дальше.

Одним мы смогли заплатить за верблюдов, другим смогли дать кое-какие мелкие деньги, чтобы они купили себе на следующей стоянке немного хлеба, была роздана также и одежда, сшитая в миссионерской организации г. Адана. Вскоре необозримая колонна движется дальше. Позади остаются лишь самые убогие да пара свежих могил. Двести несчастных, старых и больных остались там, и им можно будет оказать еще немного помощи.

Из-за дождей и вскоре наступивших холодов страдания возросли во сто крат. Караваны повсюду оставляют после себя умерших, маленьких детей и больных, обреченных на гибель. Эпидемия охватывает все вокруг.

3. Донесение сестры Паулы Шефер о посещении 1 декабря 1915 г. палаточного лагеря в Ислаие

Три дня и три ночи лил дождь, даже в наших домах уже сильно ощущались сырость и холод. Как можно скорее я отправилась в путь. В Мамуре остались лежать около 200 семей; они не могли идти дальше, нужда и болезни сделали это невозможным. Даже солдаты не имели желания в дождь поднимать и вести их дальше, так они и лежали, как в озере. Лохмотья, служившие им постелью, промокли до нитки.

У многих женщин были обморожены ноги, почерневшие конечности достигли ампутационного состояния, стоны и вопли были ужасающими. Умиравшие—на последнем издыхании, трупы—перед палатками. Только за бакшиш удавалось склонить солдат к разрешению хоронить умерших. Людям показалось спасением наше появление с сухой одеждой, они смогли переодеться, получили хлеб и мелкие деньги. Расстояние до Ислаие я проехала на повозке, и хотя мне довелось быть свидетелем многих бедствий, здесь же моему взору открылись такие дела и сцены, которые не поддаются описанию. Маленькая женщина сидела у обочины дороги, на спине—постель, к которой привязан ребенок с впалыми глазами на последнем издыхании. Женщина упала под тяжестью ноши, душераздирающе плакала, так, что заставляла сердце содрогнуться. Я взяла ее с собой до следующего палаточного лагеря, где и умер ее ребенок, затем я позаботилась о ее дальнейшем передвижении; она была мне так благодарна! Повозка была полна хлеба, и я могла раздавать его; раза 3—4 предоставлялась возможность опять купить хлеба. Тысячи караванов хлеба были большой помощью, за сотню мне удалось нанять животных, чтобы их отправить дальше.

Лагерь в Ислаие был самым скорбным из тех, которые я видела. Прямо у входа лежала куча незахороненных тел, я насчитала 35, в других местах—22, а рядом с ними палатки людей, охваченных тяжелой эпидемией. Грязь в палатках и вокруг них неопишима. За один день похоронная группа хоронила 580 умерших. За хлеб люди дрались как голодные волки. Это были страшные сцены. Бедняги, часто уставившись на меня с неменяемым взглядом, никак не могли вразуметь, откуда пришла им эта помощь. В течение недель некоторые лагеря ежедневно снабжаются хлебом, конечно, *все это приходится делать по возможности незаметно* (курсив—В. М.). Мы благодарны богу, что можем сделать хотя бы столько.

Строго секретно! Публикации не подлежит!

4. Донесение сестры Беатриче Ронер .

Алеппо, 29 декабря 1915 г.

В четверг 16. 12 мы с Паулой покинули Мараш. Мы направились через Сарилар к Интили, а оттуда до Ислаие, где мы достигли железной дороги. Когда железнодорожный путь Мараш-Ислаие будет завершен, можно будет за полтора дня добраться до Алеппо. Здесь мы поселились в гостинице «Франк», и вскоре нам представилась возможность побеседовать с Джемаль-пашой. Мы просили у него разрешения ездить по окрестностям Алеппо, при этом особо подчеркивали необходимость нашей работы с точки зрения санитарии. Его превосходительство был любезен, однако заявил о невозможности дать нам такое разрешение. Во второй раз я обратилась к нему сама, так как Паула к этому времени уже отправилась назад в Харунию и Мараш.

Дом, в котором нашли приют дети—в настоящее время их 311—находится в городе и принадлежит одному французскому ордену; с началом войны сестры были высланы, а здание реквизировано. В дальнейшем здесь квартировались на протяжении нескольких месяцев солдаты, а затем здание было предоставлено в распоряжение проходящих через город депортированных. Тысячи приходили и уходили, заболевая, умирали или выздоравливали. 50% детишек умерло, а те, кто еще живы, находятся в плачевном состоянии. Весь дом заражен, полуразрушен, полон грязи. Мы тщетно искали другое помещение; все крупные

здания были переоборудованы под лазареты и школы. Доктор Лойдвед, врач строительной компании Багдадской железной дороги, хотел предложить переправить детей в Джераблус на Евфрате (в 3-х часах езды отсюда по железной дороге) и разместить их в пустующих сейчас бараках компании, но как нам стало известно, там сыпной тиф свирепствует еще сильнее, чем здесь. Чтобы спасти детей, мы должны немедленно приступить к работе. Через 1—2 недели я ожидаю Паулу с одной-двумя девушками; между тем я заручилась содействием служащих для необходимого ремонта здания и сама там кое-как устроилась.

Теперь центром для новых депортированных является Баб, к юго-востоку отсюда. Там они тысячами умирают от голода и эпидемий. Целый день роют могилы. Из Айнтапа депортированы последние армяне; боюсь, что затем снова наступит очередь бедного Мараша.

К сему прилагается донесение здешнего проповедника.

Archiv der Berliner Mission, Archiv der Lepsius Orient-Mission, Akten № 127, Berichte von Schw. Beatrice Rohner und Paula Schäfer, Bl. 1-6.

№ 4

Строго секретно! Опубликованию не подлежит!

Донесение проповедника в Алеппо

Алеппо, декабрь 1915 г.

Нужда депортированных армян такова, что ее невозможно себе представить или описать. В зимний холод тысячи женщин, детей, больных оказались голодными и раздетыми в пустыне и на дорогах. В сентябре и октябре в Гаму, недалеко от Алеппо, прибыли 20 000 депортированных. Только за эти два месяца 3 тыс. человек умерло от голода, 2 тыс. — от заразных болезней. Свыше 500 детей умерло на дорогах, где они в кучах мусора искали пищевые отходы. Эти цифры являют собой точные факты, статистически подтвержденные.

После этих двух месяцев более не выдавалось ни одного пфеннинга, и соответственно число смертельных случаев невероятно возросло. В одной из деревень окрестности Гомса за одну неделю умерло сто человек от голода; они принадлежали одной из наших евангелистских общин.

Только лишь из этого локального факта можно легко заключить, как свирепствуют голод и болезни в других местах. Со всех сторон слышны крики о помощи, просьба о хлебе и деньгах. Во всех местах давно расформированы пункты помощи. Дороги, деревни, степи, начиная от Кони до Мосула и Алеппо, а также до Маана (у Мертвого моря) переполнены захороненными телами и могилами. Коршуны и шакалы устали пожирать мертвечину. Вначале люди еще кое-что имели при себе, но в дороге они подверглись ограблению, у некоторых было отобрано даже нижнее белье. Многие сами их распродали, чтобы прокормиться. Теперь у них ничего не осталось. Один из депортированных сказал мне: «Мы продали наши одеяла и коврик, на котором сидели и лежали, все, вплоть до кружки. По пути мы просили крестьян помочь».

нам, но они отказывали нам, замечая, что они дали бы хлеб при условии, если мы продадим им своих детей». Многие так и поступали, продавали детей за 2 медьидие. Голодных и больных детей было огромное множество. Люди скитаются на дорогах без жилья, пищи, одежды, без всякой врачебной помощи; при этом все ужасно дорого; может ли народ и дальше так существовать? Даже здесь в Алеппо имеются голодающие. Один мужчина сказал: «У меня была семья из одиннадцати человек и только я один остался в живых». Маленькая девочка рассказывала: «Нас было десять человек, осталась только я». Одна женщина, горько плача, говорила: «У меня было шестеро детей, четверо умерло от голода, двое других—на последнем издыхании».

Я не желаю более перечислять факты. Упомянутых достаточно, чтобы человеку, сострадающему и совестливому, представить картину происходящего здесь. Во имя человечности, во имя христианства сжальтесь над этим несчастным, голодающим, попраным народом, народом умирающим. Если можете, дайте кусок хлеба в протянутые от голода детские руки; если нет, то по крайней мере помните о них с состраданием и жалостью.

Archiv der Berliner Mission, Archiv der Lepsius Orient-Mission, Akten № 127, «Bericht eines Predigers im Aleppo, Bl. 7-8.